

ПОЛИТОЛОГИЯ

Г.Н. Утенков

Политико-правовой нигилизм как проблема деятельности органов власти: стратегия преодоления

Президент России В.Д. Медведев на повестку дня вынес вопрос о преодолении правового нигилизма в стране. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что это понятие, ведущее свою родословную от латинского *nihil* – ничто, известно по крайней мере несколько веков. Отражая определенные социальные, политические, философские, правовые изменения в обществе, нигилизм, естественно, менял внутреннее содержание и смысловую нагрузку, сохраняя при этом свою первоначальную сущность – неприятия, отрицания существующих, признанных обществом ценностей, оппонирования им, стремления их разрушить или каким-то образом преодолеть.

Уже на ранних этапах осмысления этого явления оно предстает более сложным и противоречивым. При определенных условиях это отрицание предпринимается с целью утверждения и возвышения иных ценностей. Например, в руссоизме отрицание культуры сопровождается призывом к возрождению естественной нравственности.

Нигилизм как социально-культурное и политико-правовое явление возник в определенную историческую эпоху. Само слово «нигилизм» в нефилософском его значении употреблялось в Европе применительно к еретикам, неверующим людям, безразличным к вере, начиная с Августина. Особенно часто

оно употреблялось в годы, предшествующие Великой французской революции, и в пору самой революции противниками революционных материалистических идей для условного обозначения этих идей [1, с. 202, 203].

Во второй половине XIX века, начиная с Ницше, развивавшего определенные стороны учения Шопенгауэра, в Европе нигилизм утвердился как определенная философская система, как принцип отношения к жизни. В данных заметках, не ставя задачу глубокого анализа нигилистического направления в философии Ницше, подчеркнем, что под нигилизмом он понимал состояние иллюзорности и ничтожности идеалов буржуазного общества, основанных на вере в христианского Бога [2, с. 662]. Оценивая нигилизм Ф. Ницше, М. Хайдеггер писал, что это бунт против Бога. Это нигилистический бунт красоты против преходящего характера мира, против обесценивания ценности живого человека и того мира, где он пребывает [3, с. 147; 4; 5, с. 113].

Нигилизм Ницше крепко замешан, как бы сказал З. Фрейд, на необузданности человеческой природы, которая доставляет трудности любому социальному обществу [6, с. 416]. В связи с этим уместно напомнить высказывание Хайдеггера о том, что нигилизм Ницше идет не от страсти к разрушению или обновленчеству. Он идет от нужды придать миру такой смысл, который не доводит его до роли проходного двора [5, с. 103]. Таким образом, нигилизм Ницше содержит, хотя и своеобразный, но мощный потенциал созидания. М. Ремизов обращает внимание на то, что «активный нигилизм» Ницше – в гораздо меньшей степени шальная воля к разрушению мира, чем отчаянная воля к его созиданию из ничего [7].

Однако «великий человек» Ницше, являющийся отрицанием среднего, обыденного, вдруг оказывается то преступником, ибо он разбивает все существующие скрижали ценностей, то отшельником, удаляющимся от развращенного демократией и моралью слабых мира людей в мир дикой природы. Все

они – прежде всего отрицатели, беглецы, ушедшие от современного общества, оторвавшиеся от современных верований, люди великого презрения и отчаяния [8, с. 280–281].

В работах разных ученых проблемы нигилизма приобретали различные оттенки и интерпретацию. Кьеркегор природу нигилизма выводил из кризиса христианства и распространения эстетического мироощущения. Представления об упадке европейской культуры легли в основу определения нигилизма в работах О. Шпенглера. Хайдеггер считал нигилизм магистральным путем движения Запада к собственной катастрофе. А. Камю рассматривал нигилизм как проявление абсурдности существования. Его источником является первобытная враждебность мира [9, с. 231].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что родословная европейского нигилизма, в высшей фазе развития нигилистических идей оказалась соотнесенной с фашизмом. К тому времени когда Гитлер появился на политической арене, реакционных теоретиков, образно говоря, растаскали на клочки. Среди обывателей имели хождение отрывочные представления «о расе господ», «о закате Европы», «о белокурой бестии», «сверхчеловеке» Ницше, о том, что сильному дозволено все, о войне как движущей силе общества. Больше всего положений гитлеровцы заимствовали у Ницше, Шпенглера, Шопенгауэра. Гитлер возвел Ницше в ранг величайшего ученого, предтечи национал-социалистического мировоззрения [10, с. 75–76].

Объективности ради надо сказать, что вряд ли корректно названных философов обвинять в том, что их идеи привлекли внимание гитлеровцев. Среди источников и составных частей национал-социализма можно найти много иных известных имен и идей, в том числе идей большевизма. В связи с этим история развития нигилизма позволяет еще раз обратить внимание на причудливость и противоречивость судеб философских идей. Н.А. Бердяев в своей работе «Ницше и современная Германия» предостерегал от «улично-базарного» понимания

Ницше (*и не только его.* – Г.У.). Слова Заратустры надо уметь разгадывать. Когда Заратустра говорит «война», – это не означает крупновской пушки. Когда он говорит «воля к власти», – это не означает территориальных захватов для Германской империи. Когда он говорит «будьте жестоки», – это не означает германских зверств в Калише и Луvene [11, с. 112].

В российской культуре и общественно-политической мысли нигилистами называли радикально настроенных разночинцев-шестидесятников, критически оценивающих режим крепостного права. В нигилизме обвиняли Д.И. Писарева и других сотрудников журнала «Русское слово». И.А. Гончаров как цензор в нигилизме видел прежде всего силу абсолютного разрушения, силу слепую, самонадеянную, циничную и завистливую, существующую лишь постольку, поскольку есть что разрушать, от чего отказываться [1, с. 174].

Нигилистами называли представителей новой разночинной интеллигенции, начинавшей чувствовать себя все более крепко и уверенно и оттеснившей на задний план старую дворянскую интеллигенцию. В официальных правительственных документах того времени слово «нигилизм» использовалось для обозначения демократического движения 1860-х годов в целом [1, с. 178–179].

В современных условиях, по определению Н.И. Матузова и ряда других авторов, данное понятие является, с одной стороны, выражением отрицательного отношения личности, группы, класса к определенным нравственным, философским, политическим, правовым и т.д. ценностям, взглядам, нормам, идеалам, иногда отдельным, иногда всем нормам человеческого бытия, с другой – одной из форм мироощущения, миропонимания, социального поведения и политического действия [12, с. 11; 13, с. 104; 14, с. 205; 15, с. 3].

Более распространенными, в высказываниях политиков, юристов, являются определения нигилизма как глобальное, имеющее место на всех уровнях общественной и

политической иерархии неисполнение законов, утвержденных органами государственной власти.

Данные, и многие другие, определения нигилизма характеризуют его как явление всецело негативное, в своей основе разрушительное. Однако такой подход не всегда учитывает интегральную сложность всей суммы взаимодействий в обществе, не объясняет причин и диалектических закономерностей перехода явлений в свою противоположность.

Истории известно великое множество фактов, которые невозможно объяснить с позиций упрощенного подхода к такому сложному явлению, как нигилизм. Например, Смелзер обращает внимание на то, что вызов, брошенный Жанной д'Арк католической церкви, мог рассматриваться как серьезное преступление в эпоху, когда он был совершен, и как великий подвиг, вызывающий всеобщее восхищение поколений [16, с. 198]. То же можно сказать о Спартаке, Степане Разине, Емельяне Пугачеве, декабристах, Че Геваре и многих других легендарных личностях, оставивших яркий и противоречивый след в истории.

В политической деятельности конфликт и консенсус, противоборство и сотрудничество, войны и мир составляют «диалектические пары», интенсивность, глубина и направленность каждой из которых во многом определяется характером и жизнеспособностью любого человеческого общества [17, с. 32].

С этой точки зрения целесообразно рассматривать деятельность властных институтов, политических лидеров по управлению государством, экономическими, общественно-политическими процессами как производство особого рода продукта, вещественным выражением которого является «общество благоденствия» или «общество риска». Эта «производительная деятельность» затрагивает огромные массы людей, и принимаемые властными структурами решения могут иметь глобальные политические, экономические, правовые, социальные позитивные или негативные последствия.

В переходные периоды обостряются процессы накопления и растраты, подъема и спада, позитивных и негативных социальных изменений, в конечном счете в эволюции и революции рельефно обнаруживаются две тенденции развития общества – созидательный и разрушительный [17, с. 32].

Эти две тенденции являются основой и задают траекторию развития политико-правового нигилизма, который при определенных условиях приобретает разрушительные или созидательные формы. О разрушительной стороне политико-правового нигилизма написано достаточно много. Но глубокое теоретическое представление о политико-правовом нигилизме должно включать и позитивную составляющую [18, с. 65].

В дуалистическую схему «разрушительный – созидательный» укладываются многие сложные политические процессы. Так, объявляя курс на перестройку, на демократические реформы, на преодоление кризисных явлений советской системы, М.С. Горбачев и политическое руководство страны декларировало задачу вернуться к ленинскому идеалу социализма [19].

Но реализация концепции перестройки привела к цепи разрушительных процессов, приведших страну к системному кризису. Оценивая практику перестройки, В.Д. Ольшанский пишет, что все достижения Горбачева связаны с разрушением. Плюрализм – разрушение прежней идеологической монополии; свобода слова – разрушение цензуры; подготовка к рынку – разрушение прежней распределительной системы; ликвидация угрозы мировой войны – разрушение «железного занавеса», искоренение чувства страха и порабощенности – разрушение прежнего общественно сознания и самого типа «гармонично развитого», особенно «советского человека» [20].

Здесь мы сталкиваемся с феноменом, который характеризуется тем, что политик, принимая то или иное решение, далеко не всегда управляет общественно-политическими процессами, событиями, тем более если они носят глобальный ха-

рактар. Политик в данной ситуации лишь запускает механизм, который редко приводит к ожидаемым результатам. Так, неудавшиеся перестроечные процессы у целого поколения россиян сформировали нигилистическую, разрушительную психологию. Она находит выражение в недоверии к действиям органов власти, коррупции, криминализации общественных отношений. Положение усугубляется обостряющимся социальным, экономическим и имущественным расслоением между элитными группами и большинством населения.

Негативная характеристика нигилизма не охватывает большого круга явлений, когда отрицательное, нигилистическое отношение к поступкам людей, политике государства стимулирует поиск конструктивных решений, направленных на созидание системы более гармоничного взаимодействия общественных элементов. Данное явление в нигилизме целесообразно рассматривать как созидательное направление в нем, как созидательный нигилизм. Эта сторона нигилизма, хотя и менее изучена, более распространена как явление, онтологически присущее движению жизни, человеческой цивилизации, поскольку отрицающее рутину созидание, созидательный политико-правовой нигилизм являются движущими силами развития личности, общества и государства.

Особенность деятельности нигилиста-созидателя состоит в том, что он действует в рамках правового поля, культурных традиций, общепринятых моральных и нравственных ценностей. Однако даже эта лояльность не оберегает его от конфликтов, нигилистического отношения к нему со стороны консервативной части общества. В связи с этим не безынтересны откровенные высказывания Бердяева, касающиеся драмы личности в обществе, нуждающемся в поисках истины, созидательном пути развития: «Меня не любило “общественное мнение”, не любило светское общество, потом не любили либералы, не любили широкие круги русской интеллигенции, не любили представители официальной академической философии и науки,

не любили литературные круги, не любили церковные круги. Я постоянно был в оппозиции и конфликте. Я восставал против дворянского общества, против революционной интеллигенции, против литературного мира, против православной среды, против коммунизма, против эмиграции, против французского общества. Я всегда обманывал ожидания всех идейных направлений, которые рассчитывали, что я буду их человеком. Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины. И это всегда предполагает разрыв с объективным миром» [21, с. 290–291].

Правовые механизмы с помощью определенных процедур позволяют сгладить противоречия между субъектами социально-политических отношений, направить развитие конфликта в цивилизованное русло, в конце концов, для его участников найти взаимоприемлемое решение. Это обусловлено тем, что право подразумевает равноправие участников процесса, состязательность в добывании истины, отстаивании своей позиции в соответствии с процедурами, утвержденными государственными институтами.

Сложнее в политике. Политический конфликт, политическая противоположность, как указывает К. Шмитт, самая интенсивная, самая крайняя. Всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая и она тем острее, тем больше, чем острее и больше приближается к разделению людей на группы по принципу «сторонник – противник», «друг – враг» [22, с. 41]. По этой причине политический конфликт более всего присущ политике новых и менее стабильных обществ, когда различные классы, группы борются за власть [23, с. 24].

Основная функция политического конфликта, пишет А.А. Борисенков, как нормативно неоформленного, естественно развивающегося явления, так и нормативно оформленного – состоит в разрешении противоречивых политических отношений [24, с. 109, 111].

Установленные нормативные рамки лишают конфликт разрушительной функции или ограничивают ее, направляя конфликт в созидательное русло. Однако эффективность нормативно установленных ограничений (как регуляторов политических конфликтов) зависит от многих факторов, в частности типов политических режимов, степени развития законодательной базы, демократических институтов, гражданского общества, правовой и политической культуры политических элит и населения. Борисенков обращает внимание и на то, что политический конфликт обладает как положительными, так и отрицательными свойствами [24, с. 113]. Первые связаны с разрешением сложившихся противоречий, вторые с его разрушительной функцией. Причем положительные функции конфликта возможны только благодаря его отрицательной роли. Лишь разрушая противоречивые отношения, политический конфликт может способствовать позитивному развитию. Однако, разрушая противоречивые общественные отношения, политический конфликт наносит ущерб их носителям, нередко непоправимый. Поэтому надо иметь в виду, что позитивная роль политического конфликта относительна. Граница между созидательной и разрушительной функцией политического конфликта никогда не бывает устойчивой, созидание всегда готово превратиться в свою противоположность. Диалектика их взаимоотношений, взаимодействий может быть понята лишь в смысле гегелевской «переплетенности с иным» [25, с. 106].

Политико-правовой нигилистический конфликт всегда связан с деятельностью политических лидеров, политических партий, институтов власти. Мир власти бесконечно разнообразен. Это обширная область жизни общества, основным содержанием и смыслом существования которой является эффективное воздействие на людей с целью их взаимоуживаемости и взаимоприспособляемости, выработка различных структур, позволяющих людям жить, взаимодействие этого организма с другими сферами человеческого существования – социальной,

экономической, культурной, международной [26, с. 16]. Это разнообразие и многообразие мира власти, его поистине космическая бесконечность взаимосвязей и взаимодействий от межличностных до межгосударственных позволила Мишелю Фуко сказать, что все реальные проявления власти продолжают и по сей день оставаться чем-то загадочным, непознанным, даже демоническим [27, с. 206].

Власть в силу своей специфики может придавать общественному развитию как положительную, так и отрицательную направленность.

В качестве позитивной силы она структурирует социальные отношения, чем создает условия для их динамичного развития. Власть ограничивает развитие случайных процессов в обществе, выполняя регулирующую роль, приводит к компромиссу их противоположные тенденции [28, с. 61].

Вместе с тем власть как никакой другой фактор жизни общества стремится к собственной автономии и в этом состоянии она ориентирована на сохранение status quo. При этом она отрывается от интересов общества, выпадает из контекста исторического развития, становится орудием узкогрупповых интересов. Более того, власть в подобной ситуации может служить средством разрушения государства, механизмов стабилизации жизни общества, создает условия для регресса.

Неспособность или нежелание власти обеспечить баланс интересов, предложить обществу непротиворечивое законодательство, невыполнение правовых норм дестабилизирует всю общественную систему, приводит ее в состояние хаоса, возвращает в точку бифуркации. Отсюда она может развиваться в диаметрально противоположных направлениях в зависимости от более общих, глубинных, фундаментальных факторов социально-экономического развития. Этот феномен характерен для переходных периодов жизни общества и может стать отправной точкой его конституционного или антиконституционного развития [29, с. 432].

В первом случае мы имеем дело с нигилизмом созидательного направления. Во втором с нигилизмом разрушительного направления. Непоследовательные действия органов власти, которые не имеют ясной стратегической программы развития общества и государства, в текущей политике не учитывают влияние различных факторов, при определенных условиях могут привести общество в состояние политического и правового хаоса, превратив его в общество риска.

Стратегия преодоления политико-правового нигилизма предполагает совершенствование многих механизмов жизнедеятельности общества, государства и его институтов. Прежде всего это касается системы правотворчества и правоприменения, судопроизводства. Требуется кропотливая работа по формированию потребности в соблюдении норм политической и правовой культуры как универсальной меры свободы. Ведь политико-правовой нигилизм произрастает на границе между правомерным и неправомерным поведением, между свободой, закрепленной в законах, и свободой произвола. Если человек ведет себя соответственно праву, предусмотренным им критериям правомерного поведения, он действует свободно. Правовое пространство в пределах правомерного поведения участников общественных отношений – это сфера юридической свободы как опосредованной правом личной свободы человека и гражданина. И напротив, если человек выходит за пределы правомерного поведения, сознательно нарушает ограничения, обязанности, запреты, совершает преступление или правонарушение, он действует как нигилист, несвободно, для него наступают нежелательные последствия материального, физического, психического характера, предусмотренные соответствующей нормой права. Таким образом, право как мера свободы есть мера юридической свободы, эталон правомерного, законного поведения, в границах которого личность свободна. В отличие от политико-правового нигилизма, когда личность попадает в зави-

симось от собственного правового и политического беспредела [30, с. 32].

Свобода как система политико-правовых отношений в обществе имеет ключевое значение в стратегии преодоления нигилизма. И.А. Ильин определял свободу как элемент полномочий в правовом статусе субъекта правовых отношений [31, с. 42]. Применительно к понятию свободы индивида вопрос состоит в объеме элементов свободы, которыми он наделен и может реально пользоваться.

Правовое государство требует максимального освобождения личности от жесткой правовой опеки и связанной с ней зависимости от ведомственных органов [15, с. 5]. Здесь важно иметь в виду, что политическая история России впитала в себя фундаментальное противоречие, выросла на нем и знала либо избыток личной независимости без государственного порядка, либо государственный порядок, подавляющий свободу [32, с. 146].

В настоящее время Россия переживает ренессанс политики созидания, что создает благоприятные условия для борьбы с политико-правовым нигилизмом. К концу президентства Б. Ельцина в России назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую власть более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого.

Путинский «переворот» объективно и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности. А. Зиновьев именно этим объясняет «чудо» путинского рейтинга на протяжении всех лет его президентства [33, с. 277–278].

С появлением Путина в руководстве страны более заметной стала целенаправленность и скоординированность действий пропрезидентских сил. Ощущалась продуманность и системность всех принимаемых мер. Создавалось впечатление, что четко выполняется согласованная программа действий [34, с. 840–841, 905].

Путин высказал верную мысль о несоответствии нашей политической системы потребностям страны. Дело в том, что в российской политике с некоторых пор исчезли реальные субъекты. Парламент и правительство – технические, партии – марионеточные, а кремлевские группировки «верховников» вообще находятся вне зоны ответственности. Стране нужна была перенастройка политической системы, в том числе и госаппарата на основе открытости и соревновательности. Необходимо было внедрять в нашу жизнь реальное соревнование стратегических проектов, лидеров и управленческих команд [35].

Деятельность Путина вернула Государственную думу из поля политической борьбы в поле разработки и принятия законов, заставила многих региональных руководителей забыть о самодержавных замашках и признать свою подчиненность федеральной власти, трансформировала «картину мира» чиновников, почувствовавших конец «эпохи губернаторской вольницы». Путин поднял уровень оптимизма в стране, народам России вернулась вера в будущее государства, в глазах россиян вырос престиж страны, окрепла вера в самих себя [36, с. 343].

Победа на президентских выборах 2008 года Д.А. Медведева позволила закрепить в государственной политике избранное направление социально-экономического развития. Провозглашены и начали осуществляться стратегические проекты инновационного развития экономики, огромные инвестиции направляются в отрасли социальной сферы, объявлена «война» коррупции, совершенствуется государственное управление. Правительство приняло программу долгосрочной Стратегии социально-экономического развития страны на период до 2020 года, в соответствии с которой Россия должна войти в пятерку ведущих экономик мира.

Предпринятые шаги снижают уровень политико-правовых нигилистических рисков. Тем не менее далеко не все негативные тенденции преодолены, и возможно ли это вообще? А они

при определенных условиях могут спровоцировать всплеск политико-правового нигилизма самого разрушительного свойства. К ним, в частности, относится проблема экономического роста, который остается преимущественно количественным. Россия развивается в рамках и логике индустриальной модели, а в этой системе координат у нее нет серьезных конкурентных преимуществ [37, с. 9].

Определенные политико-правовые нигилистические риски кроются в полупарламентной демократии, которая складывается в стране.

С одной стороны, она способна обеспечить долгосрочную политическую стабильность. С другой – чревата широкомасштабной коррупцией и относительно низкой эффективностью основных правовых и политических институтов [37, с. 23].

Особенности многовекового политического и культурно-исторического развития России создали условия для становления многонационального, многоконфессионального, поликультурного государства. Поэтому постоянного и пристального внимания требуют вопросы федеративных отношений. Стратегия реформирования федеративных отношений должна состоять в создании такого механизма, который даст возможность выравнивать уровни социально-экономического развития регионов России. Нужно преодолеть разрыв, который сложился еще в советские годы и продолжал углубляться, несмотря на все проведенные нами экономические реформы.

Реализовать эту цель предстоит в условиях, когда невозможно осуществить единообразную федеральную, региональную экономическую политику для качественно разнородных субъектов Федерации.

Значительную часть проблем гармонизации федеративных отношений удалось решить в процессе реализации концепции Президента В.В. Путина по укреплению «вертикали власти».

Президент РФ Д.А. Медведев с первых дней пребывания в должности среди многочисленных инноваций, в том числе

на законодательном уровне, провозгласил настоятельную необходимость борьбы с коррупцией и преодоления правового нигилизма.

Центральным звеном этих мероприятий призвана стать деятельность всех ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной, а также и всего общества.

Приступая к этой важной и огромной работе, необходимо понять, что проблема кроется не только в несовершенстве законодательства.

Совершенных законов никогда не было и никогда не будет, за исключением, может быть, Закона Божьего. Законотворчество – процесс постоянный, его главная функция состоит в том, чтобы из постоянно меняющегося и развивающегося «хаоса» реальной жизни создавать гармоничный «космос» человеческих отношений. Законы могут более или менее адекватно отражать общественно-политические и социально-экономические процессы. Медведев совершенно верно обратил внимание на то, что и нигилизм, и коррупция – это явления культуры, и в борьбе с ними надо использовать, наряду с правовыми, соответствующие методы.

Это гуманитарные методы культуры, искусства, литературы, традиций многонационального народа России, в которых отразились его вековые представления о справедливости, добре и зле, отношения к государству, власть имущим и отечеству.

Список литературы

1. *Кузнецов Ф.* Родословная нашей идеи. М., 1986.
2. *Ницше Ф.* Веселая наука // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1990.
3. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог миров» // Вопросы философии. 1990. № 7.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.

5. *Геворкян А.Р.* Ницше и метафизический мессианизм // Вопросы философии. 2001. № 8.
6. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
7. *Ремизов М.* Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5–6.
8. *Трубецкой Е.* Философия Ницше. Критический очерк // Фридрих Ницше и русская религиозная философия. В 2 т. Т. 1. М., 1996.
9. *Камю А.* Миф о Сизифе // Сумерки богов. М., 1990.
10. *Мельников Д., Черная Л.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.
11. *Варакина Г.В.* Русский миф о Ницше начала XX века // Вопросы истории. 2007. № 6.
12. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.
13. *Иванова Л.О.* Религия и права человека // Социс. 1998. № 6.
14. *Лазарев В.В.* Общая теория государства и права. М., 1996.
15. *Гойман В.* Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9.
16. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
17. *Гаджиев К.С.* Демократические и имперские начала во внешнеполитической стратегии США // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 8.
18. *Сафонов В.Г.* Понятие правового нигилизма // Государство и право. 2004. № 12.
19. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
20. *Ольшанский В.Д.* Должен ли политик быть политологом? // Вестник Российской академии наук. 1992. № 6.
21. *Бердяев Н.А.* Самопознание // Самопознание. М., 1997.
22. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. Т. 1.

23. *Шаран П.* Сравнительная политология. В 2 ч. Ч. 2. М., 1992.
24. *Борисенков А.А.* Особенности политического конфликта // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 4.
25. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1997.
26. *Халипов В.Ф.* Кратология как система наук о власти. М., 1999.
27. Власть. Очерки современной политической философии Запада / Под ред. В.В. Мшевениерадзе, И.П. Кравченко и др. М., 1989.
28. *Демидов А.И.* Политическая власть // Политология / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999.
29. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм. М., 1998.
30. Принципы, пределы, основания прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7.
31. *Ильин И.А.* Понятие права и силы // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 4.
32. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899 // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 4. М., 1997.
33. *Зиновьев А.* Гибель русского коммунизма. М., 2001.
34. *Воронцов В.В.* В коридорах безвластия. М., 2006.
35. *Афанасьев М.* Негодная формула управления // Политический журнал. 2004. № 46 (49). 14 декабря.
36. *Ослон А.А.* «Путинское большинство» как социальный факт // Десять лет социологических исследований. М., 2003.
37. *Мау В.* Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // Вопросы экономики. 2008. № 2.